

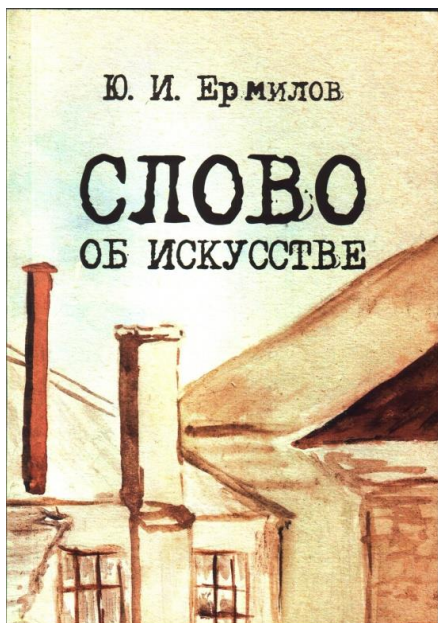

Вяч. П. Океанский

Заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала Ивановского государственного университета; доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии; доктор философских наук (международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); действительный член Академии философии хозяйства (МГУ им. М. В. Ломоносова) и Международной гуманитарной академии «Европа – Азия» (Казань); член-корреспондент РАН; эксперт РАН; член Союза кинематографистов России

КИСТИ СЛОВНО ЛИСТЬЯ

(рецензия на книгу Юрия Иннокентьевича Ермилова
«Слово об искусстве» – Иваново: ЛИСТОС, 2021)

ГЛУБОКО ПРОЧИТАВШИЙ эту книгу захочет прочесть и увидеть всё, что написал этот дивный человек своими руками посредством пишущих и рисовальных принадлежностей...

Здесь наилучшим образом (вполне органично и – никакой эклектики!) реализован полижанровый принцип: это и мемуары (сколь бы автор ни сдерживался в этом отношении), и исповедь (а мог ли бы он иначе?), и серьёзный учебник (по крайней мере – высококлассные учебно-методические материалы!) по истории живописи, заслуживающий самого высокого грифа (любых компетентных в этой сфере министерств и царственных сообществ!), и религиозно-философский трактат (со всегда неизбежным индивидуаль-

ным, прости Господи, «прикидом!»), и послание в бутылке от гибнущего моряка (увы-увы! – но как писал Бальмонт: «Хорошо, что я в море погиб...»), это и глубокая трансляция неведомому грядущему (между «ох!» и «ух!»), это и замирание голоса между строк на пороге вечности (например: А-а-а...), когда охватывает понимание: ничто так мощно и трепетно-сохраняюще не фиксирует преходящее как искусство живописи...

В центре первых впечатлений художника и судьбы его семьи – СМЕРТЬ МАТЕРИ в раннем детстве: у него есть хранимая нами картина «Я это помню»: не только конкретика свершившейся трагедии и стилистика обступающей эпохи отражены в ней, но и религиозно-философское её постижение – и, между прочим, высоко-литературное MOMENTO MORI! Редко, где в нашей глубоко фрейдистской мировой культуре встретишь написанные с такой любовью слова ОБ ОТЦЕ, как в этой книге – это воистину по-библейски, без доли преувеличений, а потому и совершенно точно!

Вопросы о соотношении визуальности и речи, поставленные во-след немецким романтикам отцом Павлом Флоренским, обретают здесь крайнюю драматизацию против второй в пользу первой... На протяжении всего текста книги – да, как и всего написанного за последнюю четверть века метатекста (!) – автор противопоставляет живопись речи: «речевое мышление – враг изображения», -

однозначно, безоговорочно и подчеркнуто утверждает он.

Доведённое до предела умное размежевание сулит более глубокую встречу – иначе получалось бы как-то так, если не хуже:

*Мы-художники,
очень разные:
синеокие,
безобразные,
гениальные,
прихлебатели,
одинокие,
генитальные,
молча охая –
бъём писателей!*

Но ведь это же – умное размежевание, не побоище предполагающее своим мудрым результатом. Леонардо да Винчи, знающий толк в медицине, однажды заметил, что, если ты здоров – держись подальше от врачей, а если ты заболел – беги от них... О чём это мы? – да, просто – антирекламная пауза, несколько не отменяющая тестирования на лояльность по отношению к восходящей ноосферной цивилизации, где, как известно, живые будут завидовать мёртвым.

Сакральное живописание у автора этой книги предельно сближено с практикой исихазма, афонического священнобезмолвия, но стоит всё-таки указать для имеющих уши, чтобы слышать, что речение и молчание неотъемлемо принадлежат **ФОНОЦЕНТРИЗМУ**; структурный же аналог молчания в визуальном космосе – не изобразительность, но **ОТКАЗ ОТ ИЗОБРАЖЕНИЯ** и поиска следов апофатического Бога во Вселенной (!), отсылающий нас к известным ближневосточным традициям...

Мысли автора о самопознании Васнецова и его глубоко значимом духовном опыте навели на замечательную параллель с отцом Сергием Булгаковым, которому нынешним летом исполнилось 150 лет со дня рождения в своих Ливнах и у которого также есть проникновенные страницы об этом художнике – как собственно и у автора настоящей книги есть замечательные страницы об отце Сергии и о специфике восприятия булгаковской софиологии в других его работах в былые годы: в той или иной степени это отражено и в его книге об Андрее Тарковском, и в непосред-

ственном обращении к Булгакову, и в откликах на наши труды...

Но вернёмся, однако, к указанному размежеванию, прочитанному нами в качестве умного, ибо не всё умное правильно, если оно не сверх-умно, ибо «немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор., 1 : 25). Отстаиваемое автором всё же имеет узкопрофильный «прищур», которой, вообще говоря, высмеивается здесь у него как некая лининистская обскура и неподлинность взгляда. Предлагаемый отказ от «речевых» схем привёл бы к крайним формам провинциализации человеческого мышления и полному отказу от историософии, совершенно немислимой в полном откате от фоноцентризма...

Безусловно, имеет место вырождение первозданного человечества по мере его прогрессирующего продвижения от чреватой формосозиданием архаической кардиобездны – к ноосфере, обреченной на финальную катастрофу. Это несомненное и универсальное положение дел, где мы согласны с автором примерно так же, как и с непревзойдённым в этом осмыслении Рене Геноном. Однако же, визуализм и акустизм – древнейшие макрокультурные векторы креативной антропологии – являют те символические формы, которые подобно и соответственно «кушитству» и «иранству» у незабвенного Хомякова, сопровождают род человеческий, не смешиваясь, но и не разбегаясь.

Бывает ли живопись сладостной? – то ли ещё вопрос; а слово-то – бывает! но бывают, впрочем, ведь и медовые краски... За пределами визуально-акустической конфликтности лежит неистощимая общая жажда всего живого к тому, чтобы быть – и не она ли, прибегая тут к шопенгауэровско-фетовским образам, «просиявшая над бездной мироздания... в ночь идёт и плачет уходя?»

Слон и кит, стрекоза и муравей, свинья и дуб, и, конечно же, ежи – всяк по-своему выражают эту универсальную данность. Юрий Иннокетьевич Ермилов – художник, иконописец, арт-теоретик и друг наш – прочувствовал, пережил и передал это так, что, пожалуй, и нет ему в этом равных: сквозь его детские кисти проросли такие листья, к которым хочется навсегда прильнуть.

©Океанский В. П., 2021